

рист, он был достаточно известен и, переехав из провинции в Москву, работал в Оружейной палате и среди патриарших иконописцев.⁶ В Сийском иконописном подлиннике есть и другие листы его «знамени», традиционно икононого содержания.⁷ Вероятнее всего предположить, что рисунок сделан в годы широкой известности мастера, т. е. между 1666 и 1690 г., поскольку подлинник повторяет его композиции со ссылкой на имя автора наряду с подписными произведениями ведущих иконописцев XVII в.

На обороте листа с изображением «трубача» читается еще одна надпись — тем же почерком XVII столетия.

Уже Н. В. Покровский высказал мысль, что эту надпись — «поучительную сентенцию» — «по-видимому, сам знаменщик присоединил в объяснение фигуры».⁸ Текст надписи следующий: «Хитроглаголиво слово и певец dobroгласия, уветлива уста, быстростружюща речь языка не избавит мене от муки, зломысленно имуще сердце». Надпись осмысляет изображение и делает ясным назидательный смысл рисунка. Более того, без надписи подобный рисунок был бы не только непонятен, но и невозможен, тем более в составе иконописного подлинника.

Рисунок и надпись к нему, составляющие органическое целое, обращаются к традиционной для древнерусской культуры этико-религиозной мысли о большей важности в деле подготовки человека к вечной жизни, или, говоря словами надписи, для «избавления от муки», внутреннего совершенства, «доброго сердца», в сравнении с внешним «вежеством», красотой речи, с тем, как выглядит человек и что он о себе говорит. Чистая совесть, а не «уветлива уста», сочетающиеся со «зломысленным сердцем», представляется здесь главным в человеке и необходимым в деле его спасения.

Наш рисунок в изобразительном искусстве зрелого XVII в. неодинок. В одной из рукописей имеется рисунок пером, сделанный около 1680 г. и довольно определенно перекликающийся своим содержанием с работой Василия Кондакова.⁹ На нем изображен человек, стоящий перед зеркалом. Надпись, поясняющая изображение, гласит: «Приникни к зеркалу и посмотри лица своего, да, аще красен ся видиши, твори ж и дела против своей красоты и не посрами ее злыми делы. Аще ли злообразен еси, толикое оскудение свое украси добродееанием». Здесь также доминирует мысль о первичности «внутреннего» начала человека в сравнении с внешностью.

Возвращаясь к «трубачу», мы должны объяснить факт его появления в иконописном подлиннике. Скорее всего, рисунок предназначен был служить образцом для настенных листов, а может быть, и темперных картин, типа назидательных и аллегорических композиций о смерти, «Корабля веры», «Старчества законного изображения», которые дошли до нашего времени на гравюрах, картинах и листах подлинников XVII—XVIII вв.¹⁰

⁶ Перечень работ В. Кондакова см. в книге: В. И. Антонова. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966, с. 119—120, рис. 112.

⁷ Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. III. — ПДП, вып. СХХII. СПб., 1897, с. 123, 136, 150, 179, 210.

⁸ Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. IV, с. 209—210.

⁹ Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева. М., 1970, с. 90. Рукопись — Синод. 701, л. 123 об.

¹⁰ Картина о смерти, названная А. И. Успенским «Тщета человеческой жизни», судя по надписи на ней, является копией XVIII в. с работы Симона Ушакова, сделанной в 1660 г. (А. И. Успенский. Иконописание в России до 2-й половины XVII в. — Золотое руно, 1906, № 7—9, с. 12, 30). Подобная композиция, выполненная в XVIII в. на доске и темперой, хранится в церкви пос. Вешняки под Москвой. В той же технике создана композиция и XVII—начала XVIII в. «Корабль веры» из собрания Третьяковской галереи (инв. № 14566), встречающаяся и в настенных росписях: